

МИХАИЛ МАГНИЦКИЙ



ПРАВОСЛАВНОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ

Раздел III

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОКАХ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Воспоминания о современниках

ДУМА ПРИ ГРОБЕ ГРАФА СПЕРАНСКОГО

Около полувека тому назад воспитанник Владимирской семинарии в простом тулупе, с несколькими рублевиками в кармане, с благословением сельского священника, отца своего, вошел, трепетною ногою, в ворота Александро-Невской лавры. И вот он под раззолоченным балдахином погребальной колесницы, окруженный факелами и облаком кадильного фимиама, въезжает в те самые ворота – графом *Сперанским*, знатным и знаменитым сановником империи.

Так славный мореходец, проплыв грозные пучины дальних морей, возвращается бездыханный в отишие той отечественной пристани, из которой на гордо поднятых

ветрилах, как на крыльях надежды, вылетел он некогда со всеми мечтами счастья и славы!

Много крутых стремнин и тяжких распутий перейти надобно для окончания такого поприща, какое совершил Сперанский. Но утешительно то, что в России подобная дорога каждому отличному дарованию и заслуге открыта!

Сперанский знатный сын дел своих! и даже творец своего имени, которое получил он в училище за отличные успехи¹, ибо выполнил прорицательное его означение и сделал историческим. Оно вписано в летопись нашей славы. Завеса смерти со всеми испещряющими ее ужасами шумно опустилась! За нею – дух на суде Божиим! Перед ней гроб и дела! Потомство с беспристрастием, а сорокалетняя дружба, сквозь слезы, их рассматривают.

Сперанский принадлежит к числу тех редких мужей, которые восходят на политическом горизонте как вековые светила и, обтекая более или менее обширную сферу, несясь более или менее быстро, пылая более или менее ярко, – его озаряют. Все на них смотрят и, гадая, ожидают чего-то!..

Он пал на поле чести доблестей гражданских. Достойный одр мужа знаменитого, которому нет подобного в нашей истории, по разнообразию обширных и глубоких его познаний, по зоркости ума его, по смелому и высокому полету его мыслей, по дару слова, соединявшему силу и простоту с какою-то неподражаемою очаровательностью, и которым изустно и на письме владел он без всякого приуготовления легко и непринужденно по быстрому объему и ясному изложению самых трудных государственных предметов; по непосредственному участию, в продолжение четырех царствований, в важнейших установлениях.

Пройдем быстро тернистую стезю его жизни, дабы следовать за ним на пути гражданской его славы.

Сперанский, сын сельского священника Владимирской губернии, замечен отличным учеником в тамошней семинарии и потому выбран в Петербургскую академию. Брошенный в сей новый мир, он прилежно учится и показывает успехи в красноречии, пишет стихи, делается учителем, сочиняет и преподает курс российской словесности. Девять лет проводил он в прочтении отличнейших тогда по числу книг, академической библиотеки. И сие обстоятельство решило вкус и направление ума его на всю жизнь. Между тем известность его в академии перешла в город; князь Куракин (Алексей Борисович)², занимавший при генерал-прокуроре князе Вяземском значительное звание, захотел иметь его учителем сына и частным секретарем. Сперанский принужден был принять сию должность и отправлял ее до восшествия на престол государя Павла I. При перемене царствования князь Куракин сделан генерал-прокурором, а Сперанский из академического звания переименован в гражданское. Здесь решительно отрезан он от быта духовного, и начинается гражданское его поприще. Скоро достигнул он до чина тайного советника. По смене князя Куракина князем Лопухиным и при генералах Беклешове³ и Оболянинове⁴ оставался он, при каждом из них, более или менее значащим лицом.

Во вцарение государя Александра I был он управляющим комиссиею снабжения Петербурга хлебом. Неизвестна причина сей необычайной выходки в его службе, но полагать надобно, что он принял сие место только для того, чтобы в бывших переменах тогда осмотреться. Потом вступил он правителем дел к статс-секретарю Трощинскому⁵. Здесь приобрел он большую значительность, писал самые важные бумаги, сделал-

ся известным государю, пожалован в действительные статские советники и статс-секретари и получил пенсию. Вскоре вышло образование министерств. Граф Кочубей, назначенный министром внутренних дел, избрал его в диктаторы своего министерства. Тут открылись его отличные дарования во всем их блеске. Образовались разные департаменты внутренних дел из бывших до того коллегий, и совершенно новый, деловой мир открылся и пошел в стройном движении. Порядок министерства отразился и на управлении губернском. Положение об управлении земских и городских повинностей, устройство столичных и градских полиций, положение о евреях, собрание статистических сведений о России, учреждение рекрутских участков, правило и формы губернаторских отчетов, положение о дорогах и вольных хлебопашцах – все сии акты и многие другие писаны Сперанским. Архив Министерства внутренних дел, от его учреждения до 1809 года, есть примечательное собрание образцовых актов Сперанского по распорядительному управлению.

В неусыпно тяжелой работе сей вел он жизнь самую уединенную и скромную. На краю города против Таврического сада целое утро занимался он делами, обедал с тремя друзьями, у него жившими, и потом до поздней ночи читал все, что ставило его в совершенство с успехами европейского просвещения, предаваясь особенно изучению философии и наук государственных; но сия счастливая жизнь не долго продолжалась: перед отъездом государя в Витебск Его Величество имел случай узнать Сперанского лично. Министр занемог и послал его с своим докладом. Государь так был пленен умом Сперанского, ловкостью его доклада, познанием дел и самою приятностию чтения, что при новом отбытии в Эрфурт назначил его к отъезду с собою и изволил хва-

литься перед некоторыми из окружавших тогда Его Величество, что нашел своего Марета⁶. В Эрфурте подойдя на бале к Сперанскому, государь спросил у него, как находит он чужие края в сравнении с Россиею. Сперанский ответил: «Мне кажется, государь, что здесь установления, а у нас люди лучше». Государь умным, точным и оригинальным его ответом так был доволен, что изволил сказать: «Возвратясь домой, мы с тобою часто будем говорить об этом». Точно так и было. Тотчас по возвращении государя в Петербург Сперанский начал иметь частые и продолжительные доклады, коих одним из последствий явился Государственный совет в новом его образовании, в котором Сперанский возведен в звание государственного секретаря. Вышел общий устав министерств и образованы Министерства финансов, полиции и военного, с частными их уставами. Здесь Сперанский – государственный секретарь только по званию – имел на самом деле влияние первенствующего министра на все дела, по отличной к нему доверенности государя. И на сей высшей степени случайности ненарушимо сохранил старинные связи, уединенную жизнь и простоту домашнего своего быта.

Но внезапно все органические работы государственной канцелярии остановлены известием, что война с Наполеоном неизбежна и близка. Государь немедленно озаботился приготовлением к ней; и как Его Величество, так и Государственный совет занялись рассмотрением учреждения для большой действующей армии, которое издано в начале 1812 года.

В сие смутное и страшное для Отечества время личная вражда, всегда в видах своих прозорливая, нашла выгодным к оклеветанию Сперанского перед государем; и действительно, не было возможности заняться обследованием, ибо общая безопасность на-

стоятельно требовала только скорейших мер осторожности и жертв. Сперанский провел с лишком четыре года в изгнании в Нижнем Новгороде, Перми и новгородской своей деревне. В Перми принужден он был продать брегетовские часы для содержания себя, доколе не приспела ему помощь Лазаревых⁷, с семейством которых был он всегда дружен и кои, против обыкновения, поспешили оказать важную услугу благодарности знаменитому изгнаннику. По природному благодущию своему Сперанский одолжал многих. Одни Лазаревы его вспомнили.

В изгнании своем перевел он с латинского подлинника изданное им в пользу бедных *«Подражание Христу»*⁸ и присовокупил к нему краткое изречение из прочих творений Фомы Кемпийского, которое есть неподражаемый образец изящнейшего слога, отрывок невиданной у нас прозы. Он незаметен в конце книги *«Подражание»*, но резко от нее отличается потому, что Сперанский, из преувеличенного почтения к слову подлинника, почти буквально его перекладывал; в двух же прочих сочинениях Фомы Кемпийского извлек и передал свободно, на творческом своем языке. В новгородской деревне занимался он, предпочтительно, изучением отцов Церкви, писавших о жизни созерцательной. Там нашел он в одном соседственном монастыре книгу, в которой собрано полное сих отцов учение, с присовокуплением деятельной его части. Он углубился в него со всем порывом души высокой, и от гонений человеческих ушел в небо! Тут последовал переворот в судьбе его. Он оправдан Высочайшим указом и определен пензенским губернатором. В сей Ост-Индии нашей, которую нашел он во всем ужасе местного самоуправства, открыл и обличил он долголетние злоупотребления, поставил им законные преграды и представил сообразное с отдале-

нием сей области положение, коим навсегда обеспечил ее благосостояние; как новый Ермак, он присоединил Сибирь к общему порядку и благоустройству империи. Жестокий климат сего края, заботы и труды, особенно же мысль, что определение его труда есть некоторый род почетного удаления от государя, начали расстраивать его здоровье. Он настоятельно просил дозволения приехать в Петербург и после многих сильных противодействий получил его благодетельным посредством князя Александра Николаевича Голицына. Милостиво принятый государем, уклонился он от предложенного ему министерства и остался членом Государственного совета и сибирского комитета.

Новые труды его в настоящее время так известны, что излишне было бы говорить о них подробно. Свод Законов, памятник, в течение ста лет недоделанный, сооружен им в таком виде, что законодательный труд, прославивший царствование Феодосия⁹, не может выдержать никакого с ним сравнения.

В последнее время знаменитой своей жизни венцом славы почитал Сперанский счастье, которого он удостоился, быв преподавателем высшего законовещения государю наследнику. С восхищением вспоминал он присутствие Их Императорских Величеств, что ему внимал тот, который сам будет некогда законодателем пятидесяти народов. Он рассказывал, что государь цесаревич везде, где после того встречал его, заводил с ним речь о сем, пленившем его предмете. И сие естественно, ибо Сперанский, посвятивший всю жизнь на его изучение, конечно, один мог преподавать его со всею прелестью обширного ума и очаровательного государственного красноречия, коего был и творцом, и первым у нас подвижником. Такой преподаватель достоин такого слушателя.

Огромный капитал комиссии духовных училищ, составившийся из свечных доходов, есть мысль Сперанского. Сироты духовенства, и ныне презренные, и до высших духовных степеней образуемые, равно как обеспечение состояния семинарских и академических воспитанников, суть также плоды его предположений в бытность членом комиссии духовных училищ. Много принесут жертв умилоствления пред св. престолами Божиими, много вознесется молитв и вздохов от сирот и вдов духовенства при известии о его кончине, и сие теперь ему нужнее всех наших прославлений.

Положив венец гражданским доблестям на досточтимый ему памятник, молодой россиянин в благородном порыве народного чувства скажет: «Вот каких мужей Россия имела!» И гордым шагом пойдет от него. Но мы, окруженные развалинами современных с нами царств, свидетели падения стольких сильных земли, мы, разочарованные от земной славы, не остановимся на сем последнем ее рубеже и, воздав праведную честь праведному сановнику, пойдем далее за человеком!

Сперанский, независимо от личных его дарований, был одно из тех изящных существ, кои в разных образах мнений, через которые всякий мыслящий человек более или менее происходит, везде и всегда добрые. Добрый муж, отец нежный, домостроитель благодушный и кроткий человек. Милосердый к бедным, великодушный против врагов своих. Вот титла и отличия, которые понес раб Божий Михаил с собою – куда! – в новое, вечное свое гражданство! Все прочее осталось на пороге могильной его двери.

Напутствуем же и мы душу его таким молитвенным вздохом, который был бы ей во услышание благоприятное: Господи! Помяни раба твоего во царствии Твоем!